

Важность исследований глоттогенеза для сравнительно-исторического языкознания

Изначальной целью сравнительно-исторического языкознания было восстановление праязыка человечества. К настоящему моменту известно, что анатомически современный человек появился около 200 000 лет назад. Связь возникновения языка с верхнепалеолитическими индустриями проследить не удается, в то же время анатомические характеристики гоминид дают основания утверждать, что уже *Homo heidelbergensis* (непосредственные предки нашего вида) пользовались звучащей речью, которая могла иметь фонемные различия, и были способны произносить по нескольку слогов за одну реплику. Языковые черты, приводимые как аргументы в пользу полигенеза, могли быть заимствованы в язык человека при контактах с другими видами гоминид.

Ключевые слова: происхождение языка, звучащая речь, глоттогенез, моногенез.

В нынешнее время исследования в области происхождения языка не входят в круг тем, которыми интересуется сравнительно-историческое языкознание, но начальные этапы развития компаративистики были связаны именно с попыткой добраться — путём сравнения древних языков — до первоначального праязыка человечества. Ф. Шлегель в своей книге «О языке и мудрости индийцев» [Schlegel 1808] делит языки на «органические» (с развитой внутренней флексией) и «неорганические», высказывая идею, что первые были даны людям богом, тогда как вторые развились на базе криков животных и звукоподражаний. Я. Гримм, ориентируясь на сравнительную грамматику индоевропейских языков Ф. Боппа [Ворр 1833–1852], представляющую собой попытку выявить источники происхождения индоевропейских грамматических элементов, в своём докладе «О происхождении языка» [Grimm 1864] говорил о том, что «индогерманский язык должен... дать самые исчерпывающие разъяснения относительно путей развития человеческого языка вообще, может быть, и относительно его происхождения» (цит. по: [Звегинцев 1964: 59]). Из данных, получаемых в ходе индоевропейской реконструкции, он надеялся «сделать заключения о первобытном состоянии людей в эпоху сотворения и о происшедшем в их среде образовании языка» (цит. по: [Звегинцев 1964: 61]). В частности, он выделял три ступени «развития человеческого языка: первая — создание, так сказать, рост и становление корней и слов; вторая — расцвет законченной в своем совершенстве флексии; третья — стремление к ясности мысли, причем от флексии вследствие ее неудовлетворительности снова отказываются» (цит. по: [Звегинцев 1964: 63]). На индоевропейской реконструкции строил свою трудовую теорию происхождения языка и Л. Нуаре: по его мнению, ключом к пониманию глоттогенеза было то, что «индоевропейские корни могут быть произведены не просто из глагольных основ, а именно из звуков, сопровождающих коллективные действия» [Донских 1984: 102].

Как ни удивительно, подобные идеи иногда появляются и сейчас. Так, например, Б. Бичакджан (президент Международного общества происхождения языка) пишет, что

«преобладание в пражзыках согласных, производимых со смыканием голосовых связок, наводит на мысль, что человеческой речи предшествовал не лепет, а вокализации животных» [Бичакджан 2008: 68]. Под «пражзыками» Б. Бичакджан подразумевает прежде всего праиндоевропейский язык, ср., например, следующие его утверждения: «было и время, когда не было фрикативных согласных, и праиндоевропейский язык отчетливо показывает, что были времена, когда не было простых смычных» [Бичакджан 2008: 68], «артикуляции постоянно движутся от гортани и прилегающих частей речевого тракта к центральным и передним частям ротовой полости. Это развитие особенно хорошо видно в индоевропейских языках, чья пражзыковая система изобиловала глоттализованными и придыхательными согласными, а также плохо определенными, но почти повсеместно встречающимися ларингалами» [Бичакджан 2008: 81], «пражзыковые инвентари шумных согласных состояли практически исключительно из смычных, и эти смычные часто произносились с одной или несколькими дополнительными артикуляциями (ср., например, и.-е. **k^w*, **k^{wh}* и **g^{wh}*)» [Бичакджан 2008: 82].

Такого рода гипотезы неудовлетворительны по нескольким причинам. Во-первых, как показывают данные сравнительно-исторических исследований, для других пражзыков восстанавливается фонемный инвентарь с совершенно иными свойствами, ср., например, реконструкцию уральского пражзыка, где противопоставления, связанные с работой голосовых связок, не играют столь существенной роли, придыхательных нет вообще, а количество аффрикат и сибилянтов превышает количество смычных:

	Губные	Зубные	Палатальные	Шипящие	Велярные
Смычные	<i>*p</i>	<i>*t</i>	<i>*č</i>	<i>*č</i>	<i>*k</i>
Щелевые		<i>*s</i>	<i>*š</i>	<i>*š</i>	
		<i>*ð</i>	<i>*ð'</i>		
Носовые	<i>*m</i>	<i>*n</i>	<i>*n'</i>		<i>*ŋ</i>
Боковые		<i>*l</i>	<i>*l'</i>		
Дрожащие		<i>*r</i>			
Полугласные	<i>*w</i>		<i>*j</i>		

Во-вторых, отсчитывать «изначальный язык человечества» от праиндоевропейского можно было в XIX в., когда не существовало методов абсолютного датирования геологических слоёв. Единственной древней датой, на которую можно было опираться, была библейская дата сотворения мира, порядка 6 тысяч лет назад. В такую датировку, действительно, индоевропейская реконструкция вписывается весьма удачно. Но уже с открытием радиоуглеродного распада и разработкой метода радиоуглеродного датирования в середине XX века стало ясно, что самые древние ископаемые останки людей современного физического типа имеют датировку не менее 40 тысяч лет назад. Такая дата давала многим надежду, что сравнительно-историческое языкознание вскорости доберётся до реконструкции протомирового языка: если ностратический и синокавказский пражзыки датируются временем порядка 14 тысяч лет назад, а объединение их с ещё некоторыми макросемьями даёт бореальное единство глубиной примерно в 20 тысяч лет, то после этого остаётся лишь три-четыре шага ступенчатой реконструкции до первого пражзыка человечества.

Во второй половине прошлого века были разработаны другие методы датирования — калий-argonовый, торий-урановый, термолюминесцентный и др., — которые позволяют

определить возраст не только в десятки и сотни тысяч, но даже в миллионы лет. В 2008 г. было выполнено переисследование останков найденного в Эфиопии человека Омо 1 [Journal of Human Evolution, 2008, vol. 55, #3], чьи анатомические характеристики при самой строгой оценке не выходят за рамки внутривидового разнообразия *Homo sapiens*. Омо 1 был найден между двумя слоями вулканического пепла, нижний из которых расположен прямо под костеносным слоем и датируется (калий-argonовым методом) 196 ± 2 тыс. лет назад, верхний же залегает значительно выше костей, он образовался 104 ± 1 тыс. лет назад. По совокупности данных Омо 1 получил датировку 195 ± 5 тыс. лет назад. Это значит, что уже почти 200 тысяч лет назад существовали люди современного физического типа — их кости были такими же, как у нас, и резонно предположить, что такими же были и их мягкие ткани, прежде всего, мозг и речевой аппарат.

Но, может быть, возникновение языка происходило гораздо позже появления человека современного физического типа? Авторы некоторых работ связывают появление языка с началом верхнего палеолита в Европе — эпохой пещерной живописи (см., например, [Монич 2005: 397—398, 400]), что как раз вписывается в датировку «не более 40 тысяч лет назад». Однако исследования показывают, что и эта точка зрения не может претендовать на обоснованность. Если связывать появление языка с зарождением искусства, то придётся признать, что возник он не в Европе порядка 40 тыс. лет назад, а в Африке около 85—70 тысяч лет назад — именно такую дату имеют наиболее древние культуры на юге Африканского континента, в которых имеются «свидетельства символизма». В комплексах археологической культуры ховисонс порт «свидетельства символизма» встречаются редко — это «две перфорированные раковины *Conus* из Бордер, фрагменты скорлупы с процарапанным узором из Дьепкллоф» [Вишняцкий 2008: 50] — а в стилбейском комплексе из пещеры Бломбос бусин из раковин *Nassarius kraussianus* найдено около четырех десятков; там же найдены куски охры с насечками [D'Errico et al. 2005; Henshilwood et al. 2002]. По мнению археолога Кристофера Хеншилвуда, «эти находки показывают: использование охры в среднем каменном веке не ограничивалось утилитарными целями, и, возможно, смысл этих насечек передавался при помощи языка с полностью развитым синтаксисом» (утверждение, сделанное на заседании Национального научного фонда в январе 2002 г.; цит. по: [Бичакджан 2008]). Однако развитые культуры Южной Африки не имели продолжения — примерно 60 тыс. лет назад их сменяют среднепалеолитические индустрии без каких бы то ни было «свидетельств символизма» — следующие такие свидетельства появляются лишь 40—45 тыс. лет назад [Вишняцкий 2008: 52—53]. Таким образом, развитие культуры в каменном веке нельзя представлять себе как неуклонный поступательный процесс, а следовательно, вряд ли можно проследить строгую корреляцию между культурой и языком. Трудно вообразить, что жители Южной Африки, овладевшие языком более 70 тыс. лет назад, вдруг разучились говорить и «онемели» на долгие двадцать тысячелетий. Гораздо вероятнее, что «врожденная языковая способность» (что бы под ней ни понимать) сформировалась в момент возникновения человека разумного (по крайней мере, до разделения первой человеческой популяции), поскольку любой нормальный ребенок способен (при соответствующих условиях) выучить любой язык.

В числе главных анатомических приспособлений, необходимых для человеческого языка, называют прежде всего опущенную гортань. Такое её положение открывает возможности для четкого произнесения звуков человеческого языка, но при этом создает риск подавиться. Как пишет С. Пинкер, «до недавнего изобретения приема Геймлиха попадание еды в дыхательные пути было шестой лидирующей причиной смерти от несчастного случая в Соединенных Штатах, уносившей шесть тысяч жизней в год» [Пинкер 2004: 336].

О том, для чего нужно низкое положение гортани, существует по меньшей мере две гипотезы. Согласно одной точке зрения, оно необходимо только для членораздельной звучащей речи [см., например: Lieberman 2002: 137; Вишняцкий 2004: 96], поскольку дает возможность языку двигаться внутри речевого тракта как в горизонтальной, так и в вертикальной плоскости. Это позволяет создавать различные конфигурации ротовой полости и глотки независимо друг от друга и тем самым сильно расширяет набор возможных фонем, различающихся по тому, на каких частотах звук усилен, а на каких, наоборот, приглушен. Согласно другой точке зрения, главная роль понижения гортани — это обеспечение возможности издавать более низкие звуки и тем самым создавать у слушателей впечатление, что говорящий имеет большие размеры, чем на самом деле [Hauser et al. 2002: 1574] (следует отметить, что с размером тела коррелирует не частота основного тона, а высота формант, и именно она снижается при понижении гортани [Fitch 2000: 263]). По-видимому, эта точка зрения принципиально неверна. Дело не только в том, что преувеличение собственного размера — слишком ничтожное приобретение для такой огромной «цены», как риск подавиться. Главное, как кажется, то, что приматы (а значит, по-видимому, и ранние гоминиды) — групповые животные с достаточно высоким уровнем интеллекта. Они долгие годы живут вместе, часто встречаются и хорошо знают друг друга «в лицо» — как показывают наблюдения, роль межличностных контактов в обезьяньем сообществе весьма велика [см., например: Бутовская, Файнберг 1993 с лит.]. В такой ситуации пытаться создавать ложное впечатление о размере (который виден невооруженным глазом и всей группе давно известен) просто бесполезно (показательно, что М. Хаузер и его соавторы в подтверждение своей точки зрения ссылаются на лягушек и птиц, которые производят коммуникативные действия на таких расстояниях и в такой среде, что размер того, кто издает звук, слушающему не виден). Может быть, понижение тембра голоса было необходимо в межгрупповых конфликтах — для того, чтобы издалека устрашить членов соседней группировки? Тоже едва ли: во-первых, такая задача должна была обусловить понижение гортани у взрослых особей мужского пола, но не у женщин и трехлетних детей, для которых устрашение соседей неактуально, а во-вторых, слух человека настроен на преимущественное восприятие частот, слишком высоких для тех расстояний, на которых осуществляется межгрупповое общение. Таким образом, остается лишь одна возможность: низкое положение гортани как видовой признак — это одно из приспособлений для членораздельной звучащей речи.

Настройка слуха на повышенную чувствительность к высоким частотам происходила ещё у предков человека современного типа — у *Homo heidelbergensis*. И. Мартинес и его коллеги исследовали слуховые косточки *Homo heidelbergensis*, найденных в Испании (место-нахождение Сима-де-лос-Уэсос) и реконструировали, каким слухом обладали представители этого вида. Было выяснено, что их слуховой анализатор был настроен на преимущественное распознавание звуков на тех частотах, которые характерны для речи современного человека [Martínez et al. 2004]. Кроме того, подъязычная кость *Homo heidelbergensis* по своему строению чрезвычайно сходна с тем, что можно наблюдать у современных людей [Зубов 2004: 240] (в частности, в ней отсутствуют отверстия для горловых мешков, свойственных современным шимпанзе [Fitch 2000; de Boer 2011]), и это дает возможность высказать гипотезу, что голосовые аппараты гейдельбергца и современного человека анатомически чрезвычайно близки. Напротив, найденная недавно подъязычная кость афарского австралопитека оказалась такой же, как у шимпанзе [Alemseged et al. 2006].

Не менее важен для использования звучащей речи тонкий контроль дыхания. Дело в том, что при речи, в отличие от нечленораздельного крика, воздух надо подавать на голосовые связки не сразу, а небольшими порциями — слогами. Это позволяет строить

длинные высказывания, а в рамках одного высказывания можно произнести большое количество различающихся слогов. Если бы воздух подавался на голосовые связки сразу весь, возможности изменения звучания в процессе одного выдоха-высказывания были бы крайне ограничены (в этом легко убедиться, попытавшись снабдить членораздельными изменениями звучания, скажем, вопль ужаса). Как следствие, в таком языке оказалось бы очень мало слов: слишком малые возможности варьирования звука не позволяли бы проводить большое число различий. Более того, поскольку «каждый элемент, входящий в слог и слово, обладает разной громкостью или, лучше сказать, разной акустической мощностью» [Жинкин 1998: 83; см. тж.: Барулин 2002: 132], «задача речевого дыхания состоит в том, чтобы компрессировать слоговую динамику в обозримые для слуха рамки, ослабить большие мощности и усилить малые. Это... делается при участии парадоксальных движений диафрагмы» [Барулин 2002: 132], состоящих в том, что «дыхательный аппарат на выдохе производит вдыхательные движения, разные в разных случаях» [Барулин 2002: 82]. Соответственно, для всего этого требуется достаточно хорошо развитая система управления дыхательной мускулатурой, система, в которой участвуют многие нейроны. А значит, необходим достаточно широкий позвоночный канал, который бы вмещал аксоны всех этих нейронов. По имеющимся данным, у гейдельбергского человека этот канал был примерно таким же широким, как у *Homo sapiens*, тогда как у архантропа и даже у *Homo antecessor* (непосредственного предка *Homo heidelbergensis*) — значительно уже [Дробышевский 2004: 42; 161; 240]. Увеличение ширины позвоночного канала не является простым следствием прямохождения: об этом говорит тот факт, что вполне прямоходящие архантропы имели позвоночный канал примерно такой же ширины, как у приматов, не входящих в кладу человека [Pinker, Jackendoff 2005, сн. 6].

Всё это даёт возможность предполагать, что *Homo heidelbergensis* уже владел довольно развитой звучащей речью, используя те же звуковые частоты, что и мы. Может быть, в его речи уже существовали фонемные различия — по крайней мере, устройство его речевого аппарата было настолько близко к нашему, насколько позволяют судить ископаемые данные. У него же, вероятно, начался переход от преимущественно эмоциональных сигналов к знакам-символам — именно с этим видом связываются первые «свидетельства символизма» [Шер и др. 2004: 68]. Возможно, он даже мог произносить высказывания длиной более чем в один слог, и, соответственно, пользовался «протограмматикой» [Givón 2002: 14—15 с лит]. Переход же к настоящему языку осуществили уже *Homo sapiens*.

Таким образом, исследования глоттогенеза позволяют сделать вывод о том, что уже порядка 200 тысяч лет назад самые первые *Homo sapiens* обладали членораздельной звучащей речью и, скорее всего, их язык не имел принципиальных отличий от ныне существующих и письменно зафиксированных древних языков.

Первоначальная популяция людей была невелика — данные генетики свидетельствуют о прохождении человечества через «бытульчное горлышко» — резкое сокращение численности. Несколько групп генетиков независимо пришли к выводу, что во времена «митохондриальной Евы» (около 200 тыс. лет назад) людей на земле было всего от 10 до 30 тысяч [см., например, Янковский, Боринская 2001]. Представляется вероятным, что либо эта популяция с самого начала обладала единым языком, либо один из изначально существовавших языков в ходе эволюции вытеснил все остальные подобно тому, как мтДНК «митохондриальной Евы» вытеснила все остальные варианты существовавшей тогда мтДНК.

В связи с этим стоит рассмотреть аргументы в пользу теории полигенеза, приводимые А. Н. Барулиным [см. особенно Барулин 2008]. В языке существует две системы уровневой организации — звуковая (фонемы > слоги > фонетические слова > такты, или

фоноситагмы > периоды) и смысловая ([фонемы] > морфемы > грамматические слова > словосочетания > предложения > тексты), при этом в языках разных регионов совпадение звуковой и смысловой стороны начинается с разных уровней: например, в Юго-Восточной Азии совпадение начинается с уровня слогов и морфем, а на северо-востоке Сибири и в Северной Америке — только с уровня предложений. По мнению А. Н. Барулина, если бы переход от дочеловеческого языка к человеческому происходил в одном месте, техника соединения звуковых и смысловых уровней была бы одинакова во всех языках, а имеющиеся различия свидетельствуют о том, что человеческий язык возникал несколько раз — в разных местах независимо. Однако эти характеристики языка относятся к числу тех, которые могут заимствоваться из языка в язык при интенсивных (доходящих до стадии билингвизма) языковых контактах [см. Бурлак, Старостин 2005: 59—60]. Контакты же сапиенсов с представителями других видов *Homo* имели место: по данным генетиков, люди современного вида контактировали с неандертальцами [Green et al. 2010; Burbano et al. 2010], а также с «денисовцами» [Reich et al. 2010] — гоминидами, по-добными найденным в Денисовой пещере на Алтае, которые были несколько ближе к неандертальцам, чем к сапиенсам. Возможно, к этой группе гоминид принадлежат некоторые находки из Китая (например, индивид, известный как Цзиньнюшань) [Соколов 2011], имеющие, с одной стороны, черты, указывающие на их родство с азиатскими архантропами [Weidenreich 1937], а с другой, черты, объединяющие их с более прогрессивным видом — *Homo heidelbergensis*. Теоретически не исключено, что коммуникативная система, использовавшаяся азиатскими архантропами, основывалась на слогах (поскольку архантропы, обладая узким позвоночным каналом, не могли произносить по-многу слогов за одну реплику). Пришедшие же на восток Азии «денисовцы» частично смешались с местными жителями и переняли у них эту черту коммуникативной системы, а впоследствии передали её смешавшимся с ними сапиенсам. В такой межвидовой гибридизации нет ничего удивительного, это обычное явление в отряде приматов: как показывают данные приматологов, многие виды обезьян «живут в тесном контакте друг с другом, обитают в сходных биотопах и зачастую образуют смешанные группы или стада» [Бутовская, Файнберг 1993: 100], в таких группах появляются межвидовые гибриды, практически все из которых плодовиты [Бутовская, Файнберг 1993: 100—102 с лит.] (засвидетельствованы гибриды павианов анубисов и павианов гамадрилов, многих видов макак; гибриды бонобо с шимпанзе и гориллами [Бутовская, Файнберг 1993: 100—102 с лит.; Savage-Rumbaugh, Lewin 1994/2003: 45; Зорина, Смирнова 2006: 200]). Любопытно, что существование в составе смешанных стад может способствовать «значительному расширению коммуникативного репертуара», по крайней мере, у одного из видов [Бутовская, Файнберг 1993: 100].

Таким образом, исследования, проводимые в рамках изучения глоттогенеза, позволяют с большой вероятностью утверждать, что все языки мира имеют единое происхождение, но момент этого происхождения отстоит от нашего времени примерно на 200 тысяч лет.

Литература

- БАРУЛИН А. Н. *Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация*. Ч. 1. М.: Спорт и культура 2000, 2002. [BARULIN A. N. *Osnovaniya semiotiki: Znaki, znakovye sistemy, kommunicaciya*. Ch. 1. M.: Sport i kul'tura 2000, 2002.]
- БАРУЛИН А. Н. К аргументации полигенеза // *Разумное поведение и языки*. Вып. 1: *Коммуникативные системы животных и языки человека. Проблема происхождения языка* / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Чернитовская. М.: 6

- Языки славянских культур, 2008. С. 41–58. [BARULIN A. N. K argumentacii poligeneza // *Razumnoe povedenie i yazyk*. Vyp. 1: *Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proishozhdeniya yazyka* / Sost. A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. S. 41–58.]
- БИЧАҚДЖАН Б. Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // *Разумное поведение и язык*. Вып. 1: *Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка* / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М.: Языки славянских культур, 2008. Вып. 1. С. 59–88. [BISNACK-DZHAN B. Evolyuciya yazyka: demony, opasnosti i tschatel'naya ocenka // *Razumnoe povedenie i yazyk*. Vyp. 1: *Kommunikativnye sistemy zhivotnyh i yazyk cheloveka. Problema proishozhdeniya yazyka* / Sost. A. D. Koshelev, T. V. Chernigovskaya. M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2008. Vyp. 1. S. 59–88.]
- БУРЛАК С. А., СТАРОСТИН С. А. Сравнительно-историческое языкознание. М.: Академия, 2005. [BURLAK S. A., STAROSTIN S. A. Sravnitel'no-istoricheskoe yazykoznanie. M.: Akademiya, 2005.]
- БУТОВСКАЯ М. Л., ФАЙНБЕРГ Л. А. У истоков человеческого общества. М.: Наука, 1993. [BUTOVSKAYA M. L., FAINBERG L. A. *U istokov chelovecheskogo obshchestva*. M.: Nauka, 1993.]
- ВИШНЯЦКИЙ Л. Б. Человек в лабиринте эволюции. М.: Весь Мир, 2004. [VISHNYACKII L. B. *Chelovek v labirinte evolyucii*. M.: Ves' Mir, 2004.]
- ВИШНЯЦКИЙ Л. Б. Культурная динамика в середине позднего плейстоцена и причины верхнепалеолитической революции. СПб: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2008. [VISHNYACKII L. B. *Kul'turnaya dinamika v seredine pozdnego pleistocena i prichiny verhnepaleoliticheskoi revolyucii*. SPb: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 2008.]
- ДОНСКИХ О. А. Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. [DONSKIH O. A. *Proishozhdenie yazyka kak filosofskaya problema*. Novosibirsk: Nauka, 1984.]
- ДРОБЫШЕВСКИЙ С. В. Предшественники. Предки? Часть III: Архантропы. Часть IV: Гоминиды, переходные от архантропов к палеоантропам. М.: Едиториал УРСС, 2004. [DROBYSHEVSKII S. V. *Predshestvenniki. Predki?* Chast' III: *Arhantropy*. Chast' IV: *Gominidy, perehodnye ot arhantropov k paleoantropam*. M.: Editorial URSS, 2004.]
- ЖИНКИН Н. И. Язык – речь – творчество: Исследования по семиотике, психолингвистике, поэтике. Избранные труды. М.: Лабиринт, 1998. [ZHINKIN N. I. *Yazyk – rech' – tvorchestvo: Issledovaniya po semiotike, psiholingvistike, poetike. Izbrannye trudy*. M.: Labirint, 1998.]
- ЗВЕГИНЦЕВ В. А. История языкоznания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 1. 3-е изд., доп. М.: Просвещение, 1964. [ZVEGINCEV V. A. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkah i izvlecheniyah*. Ch. 1. 3-e izd., dop. M.: Prosveschenie, 1964.]
- ЗОРИНА З. А., СМИРНОВА А. А. О чем рассказали «говорящие» обезьяны: Способны ли животные оперировать символами? М.: Языки славянских культур, 2006. [ZORINA Z. A., SMIRNOVA A. A. O chem rasskazali «govoryashchie» obez'yany: Sposobny li zhivotnye operirovat' simvolami? M.: Yazyki slavyanskih kul'tur, 2006.]
- ЗУБОВ А. А. Палеоантропологическая родословная человека. М.: Россельхозакадемия, 2004. [ZUBOV A. A. *Paleoantropologicheskaya rodoslovnaya cheloveka*. M.: Rossel'hozakademija, 2004.]
- МОНИЧ Ю. В. К истокам человеческой коммуникации: Ритуализованное поведение и языки. М.: Академия гуманитарных исследований, 2005. [MONICH Yu. V. K istokam chelovecheskoi kommunikacii: Ritualizovannoe povedenie i yazyk. M.: Akademiya gumanitarnyh issledovanii, 2005.]
- ПИНКЕР С. Язык как инстинкт. М.: УРСС, 2004. [PINKER S. *Yazyk kak instinkt*. M.: URSS, 2004.]
- СОКОЛОВ А. Эволюция человека и ее спорная вершина... // Троицкий вариант, 2011, № 91, «Исследования». С. 10. [SOKOLOV A. Evolyuciya cheloveka i ee spornaya vershina... // *Troickii variant*, 2011, № 91, «Issledovaniya». S. 10.]
- ШЕР Я. А., ВИШНЯЦКИЙ Л. Б., БЛЕДНОВА Н. С. Происхождение знакового поведения. М.: Научный мир, 2004. [SHER YA. A., VISHNYACKII L. B., BLEDNOVA N. S. *Proishozhdenie znakovogo povedeniya*. M.: Nauchnyi mir, 2004.]
- ЯНКОВСКИЙ Н. К., БОРИНСКАЯ С. А. Наша история, записанная в ДНК // Природа, 2001, №6. [YANKOVSKII N. K., Borinskaya S. A. *Nasha istoriya, zapisannaya v DNK* // *Priroda*, 2001, №6.]
- ALEMSEGED Z., SPOOR F., KIMBEL W. H., BOBE R., GERAADS D., REED D., WYNN J. G. A juvenile early hominin skeleton from Dikika, Ethiopia // *Nature*. 2006. Vol. 443. P. 296–301.
- DE BOER B. Loss of air sacs improved hominin speech abilities // *Journal of Human Evolution*. 2011. 1–6.
- BOPP F. *Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Griechischen, Lateinischen, Litauischen, Altslavischen, Gotischen und Deutschen*. Bd. 1–3. Berlin, 1833–1852.

- BURBANO H. A. et al. Targeted investigation of the Neandertal genome by array-based sequence capture // *Science*. 2010. Vol. 328. P. 723–725.
- D'ERRICO F., HENSHILWOOD C., VAN NIEKERK K. Nassarius kraussianus shell beads from Blombos Cave: Evidence for symbolic behaviour in Middle Stone Age // *Journal of Human Evolution*. 2005. Vol. 48, #1. P. 3–24.
- FITCH W. T. The evolution of speech: A comparative review // *Trends in cognitive sciences*. 2000. Vol. 4. P. 258–267.
- GIVÓN T. The visual information-processing system as an evolutionary precursor of human language // *The evolution of language out of pre-language* / Ed. by Givón T., Malle B. F. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2002. P. 3–50.
- GREEN R. E. et al. A draft sequence of the Neandertal genome // *Science*. 2010. Vol. 328. P. 710–722.
- GRIMM J. *Über den Ursprung der Sprache. Kleinere Schriften*. 1. Bd. Berlin, 1864.
- HAUSER M. D., CHOMSKY N., FITCH W. T. The faculty of language: What is it, who has it, and how did it evolve? // *Science*. 2002. Vol. 298. P. 1569–1579.
- HENSHILWOOD C. S. et al. Emergence of modern human behavior: Middle Stone Age engravings from South Africa // *Science*. 2002. Vol. 295. No. 5558. P. 1278–1280.
- LIEBERMAN P. *Human language and our reptilian brain: The subcortical bases of speech, syntax and thought*. Cambridge (Mass.): Harvard Univ. Press, 2002.
- MARTÍNEZ I. et al. Auditory capacities in Middle Pleistocene humans from the Sierra de Atapuerca in Spain // *Proceedings of the National Academy of Science, USA*. 2004. Vol. 101. No. 27. P. 9976–9981.
- PINKER S., JACKENDOFF R. The faculty of language: What's special about it? // *Cognition*. 2005. Vol. 95. No. 2. P. 201–236.
- REICH D. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia // *Nature*. 2010. Vol. 468. P. 1053–1060.
- SAVAGE-RUMBAUGH E. S., LEWIN R. *Kanzi: The ape at the brink of the human mind*. N.Y.: John Wiley and sons, 1994/2003.
- SCHLEGEL K. W. F. *Über die Sprache und Weisheit der Indier*. Köln: Mohr und Zimmer, 1808.
- WEIDENREICH F. The dentition of *sinanthropus pekinensis*: A comparative odontography of the hominids / *Palaeontologica Sinica*. New Series D. No. 1, D 5. Peking: National Geological Survey of China, 1937.

The original aim of historical linguistics was to reconstruct the protolanguage of humanity. Today it is known that the anatomically modern human appeared about 200,000 years ago. While there is no correlation between the Upper Palaeolithic culture and language, anatomy provides evidence that our closest ancestor, *Homo heidelbergensis*, was able to pronounce several syllables in one utterance and to use phonemic oppositions. Language traits used as arguments in favor of polygenesis might have been borrowed from the communicative systems of other hominid species in contact situations.

Keywords: language origin, speech, glottogenesis, monogenesis.